

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВА. ІМ. ШЕВЧЕНКА
у Львові.

III

~~17281/3~~

17281/3

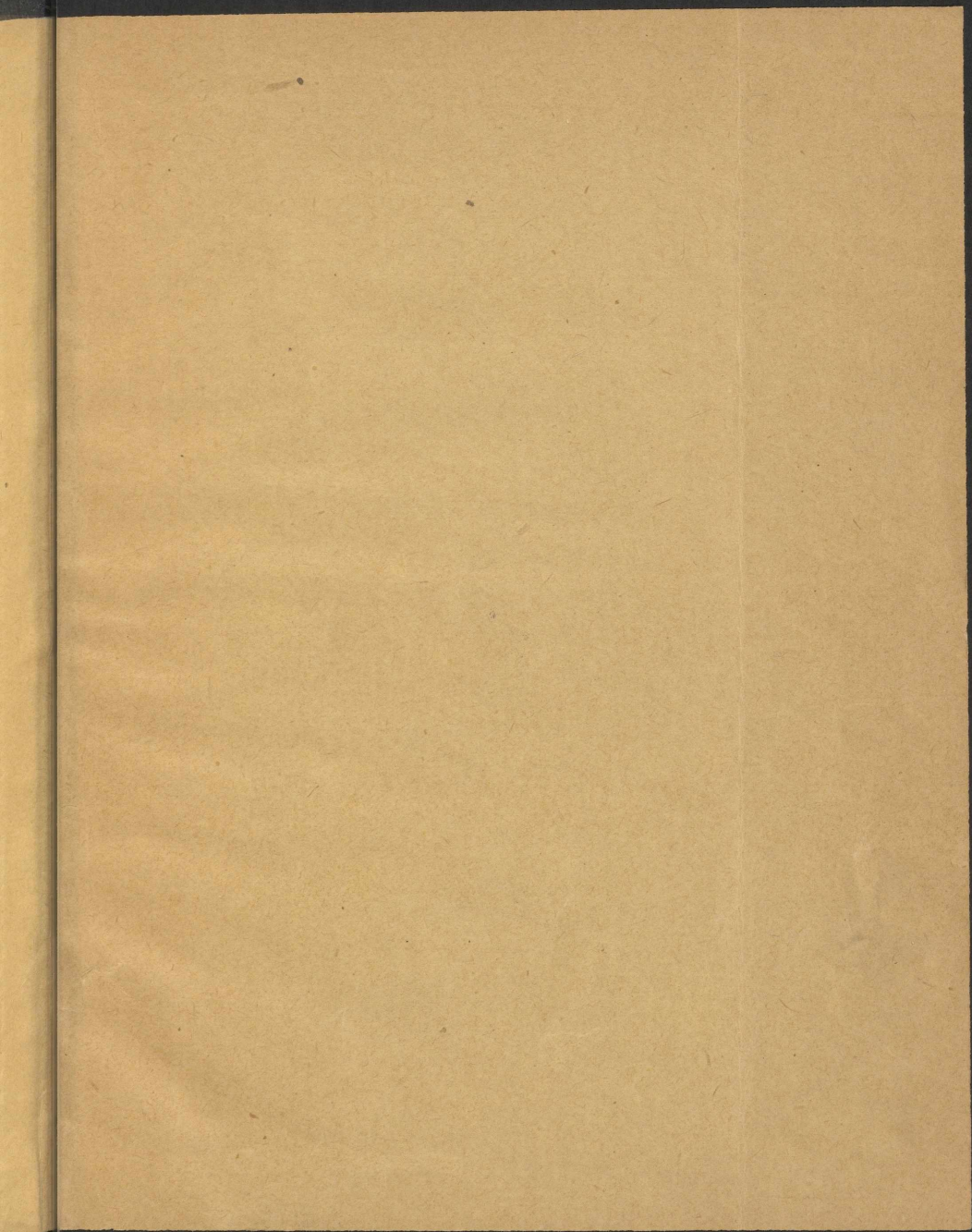
ЛННБ України ім. В. Стефаника

01619963Z

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА
ІМЕНІ
ШЕВЧЕНКА
У ЛЬВОВІ.

Ч. ~~17281/5~~

2.10 ft.

17281/3. 06

„Выдавецтво“ Ст. Ив. Эрастова
въ Екатеринодаръ.

№ 3.

Ц. 1½ к.

КЛЕНОВИ ЛЫСТКИ.

Опов. Стефаныка

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 16 Января 1904 года.

Выданія С. И. ЭРАСТОВА

въ Екатеринодари:

- № 1.— Гринченко. „Дочка, Хлиборобъ,
Першый Коваль“ Цѣна 3 коп.
№ 2.— Крымскый. „Хто же вынень?“ » 5 коп.
№ 3.— Стефаныкъ. „Кленови лытки“ » 1½ к.

Хто выписуе не менше якъ 100 примірныкъ, мае скидку въ 25^о/о,
не менше якъ 500 прим.—скидку 40^о/о.

Черезъ уполномоченнаго С.-Петербургск. Благотв. Общества
изданія дешевыхъ книгъ С. И. ЭРАСТОВА

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

- Комаря. — „Про Богдана Хмільныцького“ Цѣна 8 коп.
Конищьского. — „Про Тараса Шевченка“ » 2 коп.
Шевченка. — „Наймычка“ » 3 коп.

и друг. изд. Общества (27 №№), а также изданія
на украинскомъ языкѣ Гринченка, „Кіевской
Старины“, Гурта въ Харьковѣ и др.

ЛННБ України
ім. В. Стефаника

5356954

Постіль застелена рядомъ; коло столу на задній и передній лави засили кумы; на краю печи рядкомъ диты. Вони поспускалы рукава, якъ черидка перепелыць, що спочивають, але все готови летиты. Кумы за те сьдильы, якъ вкопани, лыше рукамы досягалы хлїбъ або чарку горилкы, але й руки, лыше б не ворушылысь, а краце спочивалы-бъ зигнены вь кулакъ на колинахъ. Нерадо вони бралы хлїбъ и чарку. Каганецъ блымавъ на прыщчку и потворывъ зь кумивъ велькы, чорнясти тини й кынувъ ихъ на стелю. Тамъ вони поломылысь на сволокахъ и такожь не ворушылысь. Коло столу схылений стоявъ Иванъ, господарь хаты й тато маленькойи дытыны, що ии охрестылы.

Будьте ласкави, мой кумы, та зажьйте ще по одній. Хоть се не горилка, але болото. Якъ чарка обійшла колію, то Иванъ ий поставывъ лїгма коло плянкы, бо боявся, абы не впала така маленька на землю.

— А закусьте.... Та й дывитесь, якый клопить найшовъ мене у сами жныва, у самый вогонь. Далеби, я й самъ не знаю, що зь сього мае буты?! Чы маю лышыты жныва та й поратыся билия жинкы и варыты дитямъ йисты, чы я маю лышыты ихъ тутъ на ласку Божу та й тягнуты голодный косою. Бо вже мое таке мае буты, бо у такый часъ нихто до хаты не прыйде и за велькы гроши. На тоби, Иване, дытыну та й радуйся, бо ще ихъ мало маешъ!

— Не ремствуйте, куме, та не гнивить Бога, бо то його воля, не ваша. А диты, якъ пина на води: щось надъ нымы трисне—та й понесете всихъ на кладовище.

У мене не трисне, але тамъ, де йе одно, тамъ трисне. Старецъ якъ-бы такы не тулывся до жинкы, та не дывывся-бъ вь той бикъ, де жинка, то найлыпше-бъ зробывъ! Тоди й Богъ не дасть!...

— Куме, вы се пусте говорыте; такъ николы не буде, бо люды мають плодытыся.

Колы-бъ то люды, а то старцы плодытыся. А я кажу, що ты, старцю, не плодысь, не розводься, якъ мыша—ты

будь задоволенный, якъ маешъ на спыни дрантя, якъ маешъ шматокъ хлеба, абы не голодуваты, та й якъ тебе ништо по пыцы не бье. Якъ си три речи маешъ, то має тоби буты добре, а видъ жинкы одійды геть.

— Куме, Иване, дайте спокій, бо жинци у такій прыгоди не треба сього слухаты, бо така розмова не додасть здоров'я. Колысь иннымъ, липшимъ часомъ.

Дуже прошу выбачьте за мою таку розмову, але вы гадаете, що я за неи дбаю або за себе?! Далеби, не клопочусь, хай ихъ и заразъ выхватае та й мене зъ ными! Овва, що жъ бы то мы? втратылы рай на земли й маєткы лышылы?...

Кумы вже не обзывалыся, не сперечалыся, бо бачылы, що Ивана не переможуть, а тилькы хотылы, щобъ винъ мерщій выговорывся и пустывъ ихъ спаты. Иванъ вставъ видъ столу, спынився насередь хаты, спустывъ рукава такъ якъ диты на печи, и почавъ до ныхъ балакаты.

— Та чому вы не летыте зъ моеи головы? Я вамъ розчыню и викна, й двери, гай!....

Диты засунулысь на пичъ такъ, що ихъ не було вже выдко. Отъ, сарана, тильки хлеба та й хлеба та й хлеба! А выдкы жъ я тоби того хлеба наберу?! Якъ почнешъ заробляты той гиркый дванадцятый снипъ, гнутысь за нього, то съ попереку вогонь у пазуху сыплеться! То кожне стебельце у серци видгукнется!

Се було до дитей, а теперь винъ звернувся до кумивъ:

— А у вечери лыше покажешся до хаты—стомленный, мокрый, якъ вихоть, а воны тоби въ одинъ голосъ и жинка, и диты: нема хлеба! Та й ты не идешъ, бидный чоловіче, спаты, але ты тягнешъ ципъ та й молотешъ у ноци, щобъ завтра малы зъ чымъ иты до млына. Та такъ тебе ципъ и звалыть на снипъ, та й задеревеніешъ у снп до ранку ажъ роса тебе прыпаде. А лыше очипролунышь, то заразъ тебе ота роса йисть, бо беда тебе и въ ноци знайде. Промынешъ очи та й тягнешъ на ланъ такый чорный, що сонце передъ тобою меркне.

— Иване, не журиться дитьми, бо не тилькы вы, але й Богъ имъ тато старшый видъ васъ.

— Я зъ Богомъ не сперечаюся. Вы, проповидують намъ, дитей не навчаєте страху Божого, вы ихъ самы посылаєте красты.... Э, та завищо мене такъ ганьбыты! Якъ бы коло моеи дытыны и мамка, и нянька ходылы, якъ бы мени люды всего назносылы, то и я бъ знавъ, якъ дитей вчыты! Але мои диты ростуть по бурьянамъ разомъ зъ курьмы, а якъ що до чого прыйде, отакъ якъ теперь, то ни хто не знае, що воны цилый день йидять, чы крадуть, чы старцюють, — а я видкы знаю? Я косю ваши ланы та й забуваю нетилькы за дитей, але за себе не пам'ятаю! Вы бъ хотилы, щобъ я и ваши ланы оброблявъ, и дитей своихъ учывъ! А вы для чого?... Та вы, люды, сами знаете, яке наше жыття...

Знаемо, куме, знаемо! Якъ не знаты, колы сами такъ живымо.

Дывлючысь на дытыну, я не гадаю про те, щобъ воно було чемне, щобъ умило до ладу зробыты. Я тилькы прыдывляюсь, чы воно вже добре по земли ходе, абы його упхаты въ наймы, — отсього я чекаю. Я не чекаю, щобъ воно увійшло въ сылу, розуму набралось, щобъ бия батька нажылось. Нехай тилькы богачъ або панъ роззявить пащеку, то я його туды кыну, абы тилькы збутысь! А потимъ воно бигает коло худобы, ноги сама уразка, роса йисть, стерня коле, а воно скачет та й плачет. Ты бъ йому завернувъ худобу, поцилувавъ бы його въ ноги, бо ты його на свить спородывъ, але мынаешъ, ще й ховаешся видъ нього, абы не чуты! — Иванъ ажъ почервонивъ, ажъ задыхався!

— И росте воно въ яслахъ, пидъ столомъ, або пидъ лавою, йисть кулакы, умывається сльозами. А пидросте та й щось воно украде, бо воно николы добра не знало. Дывышыся — иде до тебе жандаръ. Заарестуете тебе, бо ты тато злодѣви, то й мусышь зъ нымъ буты у змови. Та й е ты злодѣй, на выкы. Але се не решта, кинецъ ще на переди. Хай бы сынъ, ваша дытына, а людскый злодѣй, хай бы зогнывъ у острози, бо злодѣя не шкода. Хай бы! Идешъ

до старосты, въ руки цилуешъ, благаешъ: будьте ласкави, пане староста, боронить мене видъ сеи кары.

— «Ты, каже староста, убогый чоловікъ, то може тебе выпустымъ, але яку выгоду матыму я за твою выгоду?» Здвигнешъ плечыма, зигнешься якъ цуцькъ, та й кажешъ: мисяць вамъ буду задурно служыты... Такъ чы не такъ, добри люды? Правду кажу, чы брешу, якъ собака?

— Все такъ, ни жаднымъ словомъ не помылылысь, Иванъ увесь тремтивъ, почуваючи на соби усю вагу страшныхъ своихъ сливъ. Отъже не кажить добри люды, що крячу надъ головами своихъ дитей, якъ воронъ надъ падломъ, не кажить, люды, не кажить! Я не крячу, я правду кажу; це мій жалъ кряче, серце кряче!

Очи його запалылысь и въ ныхъ выявыласъ страшна любовь до дитей; винъ шукавъ ихъ очыма по хати. Здається, ныбы я збувся бъ своихъ дитей гирше темного ворога. А я, бачьте, тилькы зазырнувъ у те, що діється зъ нымы сьогондя и що буде завтра и черезъ рикъ и другый. А що побачывъ, те сказавъ.

Черезъ хвылыну додавъ:

— Якъ бы до тои Канады не було моривъ, то я бъ ихъ у михъ забравъ та й пишовъ бы туды пишки зъ нымы, абы ихъ занести далеко видъ цієї наругы. Я бъ ти моря берегами обійшовъ.—Кумы забулы за видпочынокъ, а теперь нагадалы, хутко повставалы й пишлы.

II.

Ранокъ.—Диты снадалы на доливици, облывалы пазухы и торохтилы ложкамы. Коло ныхъ лежала маты марна, жовта и крочилась видъ боли. Ййи чорне волосся було нечесане, а губы зацпылысь, щобъ не крычаты видъ муки и болю. Диты зъ ложкамы въ роти оберталыся до мамы, дывылыся и зновъ оберталыся до мыскы.

— Семенку, ты вже найвився?

— Уже,—видповивъ шестылитній хлопець.

— То визьмы винычокъ, покропы доливку та й заметы

хату. Мама не можно нахылятыся, бо дуже болыть у середыни. Не куры дуже.

— Уступитесь, бо черезъ васъ я не можу замитаты.

— Мама звелася й поволиклася на постиль.

— Семенку, а теперь гарненько вмыйся, и Катруся, и Марійка хай вмыются, и побижы, воды прынысы, але гляды, не впады у крыныцю, не хылыся дуже...

— Семенку, пиды та нарвы огиркивь у решето. Я посилю, бо бачу, що буду хвора и не будете вы маты що зъ хлибомъ йисты. Та й нарвы хрину и вишневого лыстя. Та не попусй огудыны, але рвы обережненько.

— Семенку, зними зъ лисы сорочки, я полатаю, бо ходыте чорни, якъ бракы.

Семенко все бигавъ, усе робывъ, що мама казала, и разъ по—разъ докорявъ меньшихъ сестеръ, кажучи, що дивкы не знаютъ ничего, лыше йисты.

— Вони ще мали, Семенку! Якъ выростутъ то й будутъ тоби сорочки праты.

— Я наймуся та й тамъ мени будутъ сорочки праты, а ихъ мени не треба.

Не тишся, дытынко, думкою про наймы, бо не разъ ще плакатымышъ видъ ныхъ.

— Онъ—же тато зрослы въ наймахъ та йничого це имъ не пошкодыло.

— И ты зростешъ у наймахъ, ажъ шкура буде триска-тысь видъ того росту. Але ты, Семене, не балакай, а збирайся несты татови обидь. Винъ голодный й за тобою уже й очи продывывся.

Я мусю батькивьципокъ взяты, щобъ видъ собакъ боронытысь

— А, якъ загубышь, то й буде тато насъ обохъ быты.

Та не йды простоволосый, але визьмы хочъ тативъ капелюхъ.

— Той капелюхъ на очи падае, то не выдко шляху.

— Вымый посудъ та й сыпъ борщъ.

— Вы мене не вчить тилькы, бо я знаю.

— Семенку, гляды, щобы тебе собаки не порвалы.

III.

Семенко дрыботивъ ногами по шляху товсто укрытому пыломъ и лышавъ за собою маленьки слиды.

— Фить, покы я дйду, то се сонце мене такы добре спарыть. Але я соби заберу волосся такъ, якъ москаль, та й буде мени лише йты.

Поклавъ обидь на шляхъ и зибравъ волосся на верхъ головы, щобъ прыложиты його капелюхомъ и выгляда-ты, якъ обстриженный москаль. Очи сміялыся, винъ пидстрибнувъ и покотывся дали. Та волосся зъпидь широкого капелюха засунулося на потылицю.

— Се пустый капелюхъ, хай якъ я наймуся, то я тоди соби прыдбаю капелюшокъ....

Лыше облызався. Пройшовшы шмать дороги, винъ зновъ поставывъ обидь на шляхъ.

— Я змалюю соби вельке колесо зъ шпыцями.

Сивъ посередь шляху въ пылъ и обводывъ навкругы себе щипкомъ потимъ малювавъ щпыци въ колеси. Дали зир-вався, перескочывъ по-за обидь и побигъ дуже зрадуваный.

До кожныхъ ворить закрадывся, зазыравъ, чы нема на подвирью собаки и ажъ тоди борзенько перебивавъ. Зъ одного двору выбигла собака и пустылася за нимъ. Семенко заверещавъ и сивъ зъ обидомъ. Ципокъ тежъ упавъ на шляхъ. Довгенько сыдивъ винъ зигнувшысь, дожидаючи, що собака вкусе. Потимъ зважывся подывытысь и побачывъ надъ собою чорну собаку, що спокійно стояла коло нього.

На, на, цыганъ, на лемипкы, але не кусай, бо болыть дуже та й штрафъ твй хозяйинъ буде платыты. То винъ тоби ноги по-мыть за той штрафъ. Щыпавъ зъ платка лемипку и кыдавъ собаци по шматочку и сміявся, що винъ на повитри лопавъ. Песъ мавъ роззявлену морду, винъ и соби рота роззяывъ.

— А ты чый, шыбынку, що собакъ по дорогахъ году-ешъ?... А въ степъ що понесешъ?

И якась жинка гупнула його въ шыю.

— Оттакъ! быйте ще й вы! колы мене собака хотила розирвать!

— А ты чый такий чемный?

— Я Ивана Петрового, але мама малы дытыну тай слаби, а я мусю несты обидь, а мене собаки кусають, а вы ще бьете...

— Ой, якъ я тебе была... Куды жъ ты несешъ йисты?

— Татови несу на лань коло ставу.

— Иды за мною, сердего, бо я тежъ несу туды обидь.

Пишлы разомъ. — А хто обидь варывъ?

— Мама варыла, бо я ще не вмю, а Марія й Катерина ще менши видъ мене.

— То не слаба мама?

Чому не слаби, такъ качаються по земли, такъ стогнуть що ажъ! Але я за ныхъ роблю...

— Ото ты робитныкъ!

Вы не знаете та й говорите пусте. А ну запытайте мамы, якый я розумный! Я Оченашъ знаю цилый... Жинка засміялася, а Семенко здвигнувъ плечыма и замовкъ. За нымъ бигъ песь, а винъ нибыто кыдавъ йому лемішки й заманивавъ йты за собою.

IV.

Тры дни описля. — Посередь хаты сядивъ Семенко и сестры и ночвы зъ маленькою дытыною стоялы. Коло ныхъ мыска зъ зеленымы, накрышенымы огиркамы й хлибъ. На постели лежала ихъ мама, обложена зеленымы, вербовыми галузками. Надъ нею сыпивъ рій мухъ.

Понайидайтесь та й тыхо сядить, бо я понесу дытыну до Васылыхы, щобъ погодувала. Тато казалы, щобъ понести рано, въ пивдень и надъ вечирь, а у — вечири воны сами вже прийдуть.

— Семенку, не переломы дытыну.

— Я гадавъ, що вы спалы. Тато казалы даваты вамъ холодной воды й булку йисты. Марія така чемна, що вона ту булку ухватила и вкусыла вже разъ. Але я побывъ та й виднявъ. — Йистымыте?

— Не хочу.

— Тато зсукалы ще свичкута й казалы, що якъ помыратымете, щобъ засвитыты и даты вамъ ййи въ руки.

Отъже я не знаю, колы даваты...
Мама подывылася великымы блескучымы очыма на сына. Безодня смутку, гувесь жаль и безсылный острахъ зійшыся разомъ въ очахъ и разомъ сплodyмы дві били слёзы. Вони выкотылися на повикы й замерзли.

— Тато сьогодня рано тежъ плакалы и такъ головою объ одвинокъ былыся!.. Заплакани взяли косу та й пішылы. Семенко взявъ дытну и наважывся йты...

— Семенку, щобъ ты не дававъ Катруси и Марійкы и Васылька мачуси быты. Чуешъ? Бо мачуха буде вась быты, видь йижы видгонаты и бильхъ сорочокъ не даваты.

— Я не дамъ та й татови буду казаты.

— Не поможе ничего, сынку мій наймылійшы, дытнко моя найзолотійша!.. Якъ выростешъ, щобъ межъ собою любылысь дуже, дуже, дуже! Щобъ допомагавъ имъ, не дававъ кривдыты.

— Якъ я буду службыты та й буду дужый, то я ихъ не дамъ, я буду до ныхъ що—недили ходыты.

— Семенку, скажи татови, що мама наказувала, щобъ вась любывъ...

— Йижте булку.

— Спивай дытны, хай не плаче.

Семенко хытавъ дытну, але спиваты не вмивъ. А мама обтерла долонею сухи губы й заспивала. У слабимъ, урываннимъ голоси выывалася ййи душа, и потыхеньку спадала мижъ дитей, цилувала ихъ у головы. Слова тыхи невыразни говорылы, що кленови лысточкы розвіялыся по пустимъ поли и нихто ихъ позбыраты не годенъ, и николы вони не зазеленіють. Писня намагалася выйты зъ хаты й полетиты въ пуссте поле за лысточкамы.

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ 20570

музыкальный и нотный магазинъ
А. Жечаева и П. Лысова

СКЛАДЪ РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО
русскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

Единственные представители пианино **СТРОВЛЬ** и **ОФФЕНБАХЕРЪ**,
ГРАМОФОНЫ и **ПЛАСТИНЫ** „0-ва грамфонъ въ Россіи“

Громадный выборъ музыкальныхъ инструментовъ.
Спеціальная мастерская для исправленія всѣхъ музыкальныхъ
инструментовъ и граммофоновъ.

ПРОКАТЪ РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО.

ФАБРИКА и СКЛАДЪ КОНДИТЕРСКИХЪ ТОВАРОВЪ

С. Я. Костина

въ Екатеринодарѣ, Красная ул., противъ Город. больницы соб. домъ.

ОТДѢЛЕНІЯ:

1-в Бурсаковская ул. д. Кулишова, 2-в Бурсаковская ул. противъ д. Бурсакъ.

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СОРТА КАРАМЕЛИ и ПРЯНИКОВЪ

а также

МОНПАНСЪЕ, МАРМЕЛАДЪ и ПАСТИЛА.

Сушка: сахарн., ванильн. и др.

Оптовое-розничная торговля

Б. Б. Лаврененко

въ Екатеринодарѣ, Новый базаръ, домъ Великанова.

ПРЕДЛАГАЕТЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
мужскаго, дамскаго и дѣтскаго
ГОТОВАГО ПЛАТЬЯ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ

„Южныя Записки“

52 книги ~~за~~ за 6 рублей.

Для учащихъ,
народныхъ учителей, городскихъ служеб-
ничнаго духовенства 4 рубля въ годъ.

Адресъ редакціи: Одесса, Троицкая ул., д. 26.

Типо-Литографія Э. КИЛУСЬ и К. въ Екатеринодарѣ.

0

A

~~100 =~~

~~5386454~~

792332

20
20.570

10001